

И. С. Щербина*

ПРИНУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ИЛИ РАБОТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

Аннотация. В статье исследуется сущность принуждения как квалифицирующего признака, основные формы его проявления как способа совершения преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, выдвигается тезис о несоответствии действующей редакции ст. 141 УК РФ основным требованиям юридической техники, что порождает проблемы квалификации деяний. Для устранения недостатков правовой нормы предлагается отразить в ч. 2 ст. 141 УК РФ основные формы проявления принуждения, такие как насилие, угроза применения насилия, уничтожение или повреждение имущества или угроза его уничтожения, распространение заведомо ложных сведений о потерпевшем и его близких и другие. Это позволит единообразно применять исследуемую норму права на практике.

Ключевые слова: принуждение и его формы, воспрепятствование избирательным правам и работе избирательных комиссий, проблемы квалификации преступления.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.70.9.035-042

Принуждение является одним из самых распространенных способов совершения преступных деяний по российскому уголовному законодательству. Данный способ как основной либо как квалифицирующий признак состава преступления прямо упоминается более чем в четырнадцати составах преступных деяний, например, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ); принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) и др. Однако несмотря на то, что законодатель неоднократно упоминает понятие «принуждение», как в Общей, так и в Особенной части УК РФ, легального определения данного понятия на сегодняшний день не существует. Не разъясняется оно и в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Анализ же правовых норм Особенной части УК РФ позволяет установить, что законодатель лишь ограничивается перечислением форм,

в которых может проявляться принуждение, при этом в одних случаях перечисляет данные формы исчерпывающим образом, в других — ограничивается лишь упоминанием термина «принуждение» (например, в ст. 144, 147, 184, 240 УК РФ), в третьих — оставляет перечень неправомерного воздействия на потерпевшего открытым (ст. 302 УК РФ). Так, принуждение в ст. 120, 149, 333 УК РФ понимается как насилие или угроза его применения. В статье 179 УК РФ под принуждением к совершению сделки или к отказу от ее совершения следует понимать угрозу применения насилия, угрозу уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространение сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. В части 2 ст. 185.5 УК РФ под принуждением понимается шантаж, угроза применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества; в ч. 2 ст. 309 УК РФ

© Щербина И. С., 2016

* Щербина Инна Сергеевна, кандидат юридических наук доцент кафедры права Троицкого филиала Челябинского государственного университета

in.scherbina2013@yandex.ru

454004, Россия, г. Челябинск, Академика Сахарова, 16 — 16

принуждение может быть выражено только в форме шантажа, угрозы убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества.

Как представляется, такое построение диспозиции уголовно-правовой нормы, где перечислены формы проявления принуждения исчерпывающим образом, способствует более оперативной и правильной квалификации деяний, позволяет избежать неоднозначного толкования данного способа совершения преступления, а, значит, способствует единообразию применения уголовно-правовых норм.

Но есть и такие способы описания преступных деяний в Особенной части УК РФ, в которых законодатель, наряду с принуждением, упоминает и иные достаточно традиционные формы его проявления. При этом буквальное толкование уголовно-правовой нормы не позволяет правоприменителю четко установить содержание понятия «принуждение», что не может не вызывать трудности при квалификации тех или иных преступлений. К таковым, в частности, относятся составы, отраженные в п. «а» ч. 2 ст. 141 и ч. 2 ст. 142 УК РФ.

Так, в п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, наряду с принуждением, упоминаются такие способы воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, как применение насилия или угроза применения насилия.

Подобная формулировка диспозиции уголовно-правовой нормы неизбежно порождает два важных с точки зрения квалификации вопроса: во-первых, каково содержание понятия «принуждение», во-вторых, как соотносятся такие способы воспрепятствования осуществлению избирательных прав и работе избирательных комиссий, как принуждение и применение насилия либо угроза его применения.

Традиционно понятие «принуждение» сводится к указанию на то, что это «действие по значению глагола “принудить”»¹, что означает «заставить что-нибудь сделать, силой побудить к чему-нибудь»². То есть анализ понятия «принуждение» позволяет установить, что содержательная его сторона в русском языке носит негативный характер и означает склонение к нежелательному для человека поступку.

Опираясь на этимологию данного понятия, ученые предлагают следующие варианты определения его уголовно-правовой сущности. Т. Ю. Кобозева под принуждением как уголовно-правовой категорией понимает умышленное противоправное воздействие на человека, ограничивающее свободу его воли путем применения незаконных действий с целью заставить его совершить нужное для принуждающего лица деяние³. Аналогичные признаки принуждения выделяет Е. Г. Веселов, который под таковым предлагает понимать противоправное против воли человека воздействие на него с целью заставить совершить определенные действия или воздержаться от их совершения⁴. Более подробно объективные признаки принуждения раскрывает Д. В. Попов, поясняя, что противоправное воздействие на лицо осуществляется путем физического или (и) психического насилия, а также путем иных незаконных действий (бездействия) с целью заставить данное лицо совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения⁵. Из вышеуказанных определений совершенно очевидно, что принуждение с объективной стороны может выражаться в различных способах воздействия на то или иное лицо.

В науке уголовного права по механизму противоправного воздействия на потерпевшего ученые выделяют такие виды принуждения, как физическое и психическое, а некоторые также и моральное принуждение⁶.

¹ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1983. Т. 3. С. 428.

² Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. С. 595.

³ Кобозева Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник Воронежского государственного университета. Право. 2008. № 1. С. 276—289.

⁴ Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение // СПС «КонсультантПлюс», 2008.

⁵ Попов Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий : принуждение и насилие // Актуальные вопросы уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. трудов. Уфа, 2003.

⁶ Тяжкова И. М. Ответственность за незаконное принуждение // Вестник Московского Университета. Сер. 11 : Право. 2006. № 5. С. 83—84.

Что касается физического принуждения, одни авторы определяют его как физическое воздействие одного человека на другого⁷, другие уточняют, что таковое выражается в энергетическом воздействии на человека (его организм, ткани, физиологические функции), совершаемом вопреки его воле⁸, третьи подчеркивают непосредственное контактное воздействие на организм человека при физическом принуждении⁹. В целом же можно отметить солидарность авторов по вопросу о том, что физическое принуждение с объективной стороны невозможно без оказания воздействия на так называемую телесную неприкосновенность физического лица: на организм человека, его отдельные органы и ткани. Вопрос же о результате такого физического воздействия, напротив, является дискуссионным. Так, одни ученые придерживаются мнения о невозможности проявления воли лицом, по отношению к которому применяется физическое воздействие, что «вынуждает его совершить телодвижения, причиняющие вред, или не совершать того, что он обязан сделать в данной ситуации»¹⁰. Другие, напротив, допускают возможность не полной, а лишь частичной утраты воли у принуждаемого субъекта, опираясь на законодательную классификацию принуждения на преодолимое и непреодолимое¹¹.

Что касается принуждения как способа совершения преступлений, то для уголовно-правовой оценки деяний виновных лиц не имеет значения характер физического принуждения (преодолимое или непреодолимое), тем не менее вторая точка зрения представляется более убедительной, поскольку не всякое физическое воздействие парализует волю физического лица в полном объеме, исключая возможность выбора варианта правового поведения.

Психическое же принуждение выражается в информационном воздействии на сознание человека, при этом, как справедливо отмечают Т. Ю. Орешкина, Т. Д. Устинова, психическое принуждение не следует ограничивать угрозой применения физического насилия, оно охватывает и все иные виды угроз, оказывающие влияние на свободное волеизъявление человека¹², например угроза уничтожения или повреждения имущества, угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, и проч.

На основании вышеизложенного можно сделать однозначный вывод о том, что понятие «принуждение» шире по своему содержанию, чем понятие «насилие», поскольку физическое насилие является одной из форм проявления физического принуждения, равно как и психическое насилие является одной из форм психического принуждения.

Однако, как отмечается в современной научной литературе, не любое насилие является принуждением¹³, поскольку любое принуждение с субъективной стороны характеризуется наличием специальной цели, которая «заключается в том, чтобы в интересах виновного добиться от потерпевшего определенного варианта поведения, которое не соответствует воле потерпевшего»¹⁴. При этом насилие может применяться и без специальной цели.

Так, в частности, раскрывая сущность насилия, ученые характеризуют субъективную сторону данного деяния только посредством указания на его умышленный характер, не упоминая о каких-либо факультативных признаках субъективной стороны. Например, по мнению Л. В. Сердюка, это «внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли

⁷ Ветров Н. И. Уголовное право. Общая часть. М., 1999. С. 130.

⁸ Куманяева Е. А. Принуждение в уголовном праве // Lex Russica. 2012. № 1. С. 89.

⁹ Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб., 2003. С. 123.

¹⁰ Ветров Н. И. Уголовное право. Общая часть. М., 1999. С. 130.

¹¹ Куманяева Е. А. Указ. соч. С. 89.

¹² Орешкина Т. Ю., Устинова Т. Д. Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно-наказуемое деяние // Современное право. 2009. № 9. С. 105.

¹³ Орешкина Т. Ю., Устинова Т. Д. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ Куманяева Е. А. Указ. соч. С. 90.

и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму и ограничить свободу его волеизъявления или действия»¹⁵. Р. Д. Шарапов под насилием понимает «преступное посягательство на личную безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического или психического вреда потерпевшему вопреки (против или помимо) его воли путем энергетического (физического) или информационного (психического) воздействия на организм (органы, ткани, физиологические функции, психику) человека»¹⁶.

Исходя из вышесказанного, закономерно возникает вопрос о том, насколько оправданно законодатель, наряду с таким способом совершения преступления, как принуждение, упоминает в п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ такие формы его проявления, как применение насилия или угроза его применения? Возможно ли воспрепятствовать осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий путем применения насилия без цели добиться от потерпевшего желаемого для виновного лица поведения?

Ответы на эти вопросы становятся очевидными при установлении сущности основного признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 141 УК РФ, — воспрепятствование.

В русском языке «воспрепятствовать» значит «помешать кому-либо в чем-либо, не допустить чего-либо»¹⁷. Воспрепятствование осуществлению гражданином избирательных прав и права на участие в референдуме может состоять, например, в создании препятствий в ведении предвыборной агитации, в блокировании работы доверенных лиц кандидатов на выборные должности, в непредоставлении возможности ознакомления со списками избирателей, в отказе в подаче заявлений о включении в список избирателей, в необоснованном отказе в регистрации инициативной группы, в противодействии ее деятельности, незаконном отказе в получении открепительного удостоверения,

в ином противодействии волеизъявлению избирателей. Нарушение тайны голосования — частный случай воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан, поскольку принцип тайности¹⁸ голосования является одним из основных фундаментальных положений при проведении выборов и референдумов в России, соблюдение которого является, в свою очередь, гарантией надлежащей реализации гражданами их избирательных правомочий. Воспрепятствование работе избирательных комиссий может состоять: в лишении членов избирательных комиссий возможности работать на участке голосования, в незаконном изменении ее состава, в игнорировании законных требований комиссии, в организации нарушений общественного порядка, в создании обстоятельств, дезорганизующих деятельность избирательных комиссий, в срыве ее заседания, в блокировании помещений избирательных комиссий. Очевидно, что подобные деяния совершаются с целью создания препятствий для реализации активного или пассивного избирательного права гражданина, т.е. подразумевают принуждение как способ совершения преступления. Установление иных целей при совершении вышеуказанных действий, лишь объективно создавших препятствия для реализации избирательных прав граждан, деятельности избирательных комиссий и проч., исключает возможность квалификации деяний по ст. 141 УК РФ.

Отсюда следует, что насилие как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий вне принуждения невозможно, поэтому насилие как способ совершения преступления, отраженного в п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, абсолютно обоснованно необходимо рассматривать как одну из форм принуждения.

Кроме того, на практике встречаются и такие формы проявления принуждения, известные российскому уголовному закону, как воспрепятствование осуществлению избирательных прав и работе избирательных комиссий посредством угроз уничтожения или повреждения

¹⁵ Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. С. 22.

¹⁶ Сердюк Л. В. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1. С. 216.

¹⁸ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (Ст. 3).

имущества. Например, приговором Липецкого районного суда¹⁹ был осужден гражданин Н., который из корыстных побуждений, действуя по поручению кандидата на должность главы сельского поселения Ж., воспрепятствовал осуществлению пассивного избирательного права в отношении другого кандидата на должность главы сельского поселения — Ф. — путем угрозы уничтожения ее имущества (дома).

В условиях действующей редакции ст. 141 УК РФ квалификация деяний по воспрепятствованию осуществлению избирательных прав и работе избирательных комиссий посредством угрозы уничтожения или повреждения имущества может вызывать определенные трудности, связанные с необходимостью установления сущности понятия «принуждение», поскольку содержание последнего, как указывалось выше, не раскрыто в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы и не разъяснено в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Не исключается вариант правовой оценки подобных деяний по ч. 1 ст. 141 УК РФ, хотя вышеупомянутые действия представляют не меньшую общественную опасность, чем, например, воспрепятствование осуществлению избирательных прав, праву на участие в референдуме путем обмана, подкупа или угрозы применения насилия.

Однако не только угрозы уничтожения или повреждения имущества могут выступать средством полного или частичного подавления воли принуждаемого лица, но и сами действия по уничтожению или повреждению имущества способны создать препятствия для реализации пассивного или активного избирательного права одного гражданина, а зачастую и для нескольких тысяч граждан, проживающих в пределах территориальных границ того или иного избирательного участка. То есть подобные действия обладают всеми объективными и субъективными признаками, характерными для принуждения как способа совершения преступления.

Как справедливо отмечает А. С. Курманов²⁰, в случае срыва выборов путем повреждения

или приведения в полную негодность помещения избирательных участков, оборудования для голосования (стационарных избирательных урн, кабин для голосования и др. оборудования) повышенная ответственность законодателем не предусмотрена, что, по мнению автора, не совсем обоснованно, поскольку такие деяния не менее общественно опасны, чем действия по воспрепятствованию осуществлению избирательных прав граждан посредством обмана или подкупа.

Нельзя не отметить, что современные избирательные кампании в РФ также зачастую сопровождаются распространением заведомо ложных сведений о кандидатах, об их близких родственниках, т.е. имеет место так называемый черный пиар, который может привести к существенным нарушениям избирательных прав граждан, например сформировать негативное отношение к кандидату на выборную должность у избирателей, тем самым повлиять на их волеизъявление.

В условиях действующей редакции ст. 141 УК РФ возможны следующие варианты уголовно-правовой оценки подобных деяний:

- 1) квалифицировать их по ч. 1 ст. 141 УК РФ;
- 2) квалифицировать деяние по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 141 УК РФ и соответствующей частью ст. 128.1 УК РФ (что представляется наиболее верным, поскольку деяние посягает одновременно на несколько общественных отношений, а отношения по охране чести и достоинства личности явно не составляют объекта уголовно-правовой охраны по ст. 141 УК РФ, что позволяет констатировать в подобных случаях множественность преступлений в действиях лица).

Однако ни первый, ни второй вариант квалификации, как представляется, не отражает степени общественной опасности подобного рода преступлений, которая обуславливается прежде всего возможностью наступления таких общественно опасных последствий, как искажение воли избирателей, похищение прав граждан быть избранными.

¹⁹ Приговор Липецкого районного суда от 7 октября 2011 г. // <http://sudact.ru> (дата обращения: 4 декабря 2015 г.).

²⁰ Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 299—300.

В судебной практике встречаются и такие случаи, когда действия лица, направленные на распространение заведомо ложных сведений о кандидате на выборную должность, оставались без уголовно-правовой оценки. Так, приговором Энгельсского районного суда Саратовской области от 21 декабря 2011 г. деяния лиц, выразившиеся в подкупе избирателей в пользу определенного кандидата, который осуществлялся открыто, с целью умышленно опорочить репутацию негодного кандидата и добиться снятия его кандидатуры с выборов, были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ только лишь потому, что впоследствии избирателям предлагалось проголосовать за вознаграждение уже за так называемого «нужного» кандидата.

Кроме того, нетрудно представить себе и использование такой формы психического принуждения при воспрепятствовании избирательным правам, как угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Данную форму психического принуждения ученые отождествляют с шантажом²¹. Подобные сведения, в отличие от клеветнических, могут носить и правдивый характер, однако для потерпевшего в силу различных причин факт распространения таковых является крайне нежелательным. Например, под угрозой разглашения личной, семейной тайны возможно принуждение кандидата на выборную должность к принятию решения о снятии своей кандидатуры на выборах. Однако действующая редакция уголовно-правовой нормы, отраженной в ст. 141 УК РФ, не позволяет правоприменителю однозначно ответить

на вопрос о квалификации вышеуказанного действия.

На основании вышеизложенного анализа таких способов совершения преступления, как применение насилия, угроза применения такового, можно утверждать, что последние являются основными формами принуждения. В связи с этим полагаем, что законодатель, формулируя квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, нарушил основные требования юридической техники, а именно — требования ясности, точности и однозначности используемых в тексте юридических терминов.

Поэтому представляется целесообразным обозначить принуждение в качестве самостоятельного квалифицирующего признака состава преступления, отраженного в ч. 2 ст. 141 УК РФ, и, опираясь на положительный опыт конструирования иных составов преступлений, раскрыть его основные формы.

А именно в ч. 2 ст. 141 УК РФ добавить п. «г», изложив его в следующей редакции: «соединенные с принуждением путем применения насилия либо угрозы его применения, путем уничтожения или повреждения имущества либо угрозы уничтожения или повреждения имущества путем распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или подрывающих его репутацию, а равно путем распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких», соответственно, исключив из п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ словосочетание «...принуждением, применением насилия либо с угрозой его применения».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бойко А. И. Преступное бездействие. — СПб., 2003. — 320 с.
2. Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение // СПС «КонсультантПлюс», 2008.
3. Ветров Н. И. Уголовное право. Общая часть. — М., 1999. — 415 с.
4. Иванова В. В. Преступное насилие. — М., 2002. — 83 с.
5. Кобозева Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник Воронежского государственного университета. — Право. — 2008. — № 1. — С. 276—289.

²¹ Шарапов Р. Д. Преступное насилие. М., 2009. С. 195.

6. Куманяева Е. А. Принуждение в уголовном праве // Lex Russica. — 2012. — № 1. — С. 86—91.
7. Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2011. — 457 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. — М., 2006. — 944 с.
9. Орешкина Т. Ю., Устинова Т. Д. Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно-наказуемое деяние // Современное право. — 2009. — № 9. — С. 104—108.
10. Попов Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России : межвуз. сб. науч. тр. — Уфа, 2003. — С. 70—72.
11. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М., 2002. — 384 с.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1983. — Т. 3. — 750 с.
13. Тихонова С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. — СПб., 2002. — 321 с.
14. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1939. — Т. 3. — 1424 с.
15. Тяжкова И. М. Ответственность за незаконное принуждение // Вестник Московского университета. — Сер. 11. Право. — 2006. — № 5. — С. 83—93.
16. Шарпов Р. Д. Преступное насилие. — М., 2009. — 496 с.

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2015 г.

COMPULSION AS A WAY OF IMPEDING THE EXERCISE OF ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS OR THE WORK OF ELECTORAL COMMISSIONS

SCHERBINA Inna Sergeevna — Ph.D., Associate Professor of the Law Department at the Troitsk Branch of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education
in.scherbina2013@yandex.ru
454004, Russia, Chelyabinsk, ul. Akademika Sakharova 16-16

Review. *The article examines the essence of compulsion as an aggravating circumstance, basic forms of its manifestation as a way of committing a crime under art. 141 of the Criminal Code; the author makes a proposition concerning incompatibility of current Article 141 of the Criminal Code of the Russian Federation with the basic requirements of the legal drafting methodology, which leads to the crime qualification problems. To eliminate the defects of the legal rule, it is proposed to include into Part 2 of Article 141 of the RF Criminal Code the main forms of compulsion such as violence, threat of violence, destruction of or damage to property or the threat of its destruction, dissemination of false information about the victim and her family, etc. This will allow us to apply the rule of law in question in practice.*

Keywords: *compulsion and its forms, impeding the electoral rights and functioning of electoral commissions, crime qualification problem.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bojko A. I. Prestupnoe bezdejstvie. — SPb., 2003. — 320 s.
2. Veselov E. G. Fizicheskoe ili psichicheskoe prinuzhdenie // SPS «Konsul'tantPljus», 2008
3. Vetrov N. I. Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast'. — M., 1999. — 415 s.
4. Ivanova V. V. Prestupnoe nasilie. — M., 2002. — 83 s.
5. Kobozeva T. Ju. Kategorija «prinuzhdenie» v ugolovnom prave Rossii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. — Pravo. — 2008. — № 1. — S. 276—289.
6. Kumanjaeva E. A. Prinuzhdenie v ugolovnom prave // Lex Russica. — 2012. — № 1. — S. 86—91.
7. Kurmanov A. S. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii ob ohrane konstitucionnyh prav i svobod cheloveka: sravnitel'no-pravovoe issledovanie : dis. ... d-ra jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2011. — 457 s.

8. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. — M., 2006. — 944 s.
9. *Oreshkina T. Ju., Ustinova T. D.* Prinuzhdenie kak sposob sovershenija prestuplenija i kak ugovorno-nakazuemoe dejanie // *Sovremennoe pravo.* — 2009. — № 9. — S. 104—108.
10. *Popov D. V.* K voprosu o sootnoshenii ugovorno — pravovyh ponjatij: prinuzhdenie i nasilie // *Aktual'nye voprosy ugovornogo processa sovremennoj Rossii : mezhvuz. sb. nauch. tr.* — Ufa, 2003. — S. 70—72.
11. *Serdjuk L. V.* Nasilie: kriminologicheskoe i ugovorno-pravovoe issledovanie. — M., 2002. — 384 s.
12. Slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. — M., 1983. — T. 3. — 750 s.
13. *Tihonova S. S.* Prizhiznennoe i posmertnoe donorstvo v Rossijskoj Federacii: voprosy ugovorno-pravovogo regulirovanija. — SPb., 2002. — 321 c.
14. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. — M., 1939. — T. 3. — 1424 s.
15. *Tjazhkova I. M.* Otvetstvennost' za nezakonnoe prinuzhdenie // *Vestnik Moskovskogo Universita.* — Ser. 11. Pravo. — 2006. — № 5. — S. 83—93.
16. *Sharapov R. D.* Prestupnoe nasilie. — M., 2009. — 496 s.